

Научная статья
УДК 342.4
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-83-91>

Конституционное правообразование как самостоятельная категория конституционного права: дискуссия о новизне¹

Дерхо Даниил Сергеевич

Сибирский юридический университет, Омск, Россия, derxo@list.ru

Аннотация. Научное исследование представляет собой основную форму процесса познания объективной действительности средствами и методами науки, а дискуссия о результатах такого исследования — одну из форм верификации полученного знания, что интегрирует их в состав единого научного дискурса, а также подчиняет общим принципам и правилам развития. Целью настоящей статьи является определение критериев новизны результатов научного поиска на примере конкретного диссертационного исследования о конституционном правообразовании как самостоятельной категории конституционного права и сути замечаний к новизне результатов этой работы и использованной терминологии, последовательно изложенных в двух научных публикациях. По итогам рассмотрения указанных замечаний автор приходит к выводу о том, что комплексное научно-практическое исследование процесса конституционного правообразования, включающего в себя весь спектр общественных отношений, связанных с формированием объективных потребностей в конституционно-правовой регламентации общественных отношений и их удовлетворением посредством сознательно-волевой деятельности компетентных субъектов (путем принятия, пересмотра Конституции Российской Федерации и конституционных поправок, интерпретационно-правотворческой активности Конституционного Суда Российской Федерации) является оправданным, обладает научной новизной и может служить основой для дальнейшего научного поиска.

Ключевые слова: новизна научного исследования, конституционное правообразование, конституционно-правотворческая интерпретация

Для цитирования: Дерхо Д. С. Конституционное правообразование, как самостоятельная категория конституционного права: дискуссия о новизне // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 83—91. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-83-91>.

Original article

Constitutional law education as an independent category of constitutional law: a discussion about novelty

Daniil S. Derkho

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation, derxo@list.ru

Abstract. Scientific research is the main form of the process of cognition of objective reality by means and methods of science, and discussion about the results of such research is one of the forms of verification of the knowledge obtained, which integrates them into a single scientific discourse, and also subordinates the general principles and rules of development. The purpose of this article is to determine the criteria for the novelty of the results of scientific research on the example of a specific dissertation study on constitutional law education as an independent category of constitutional law and the essence of the comments on the novelty of the results of this work and the terminology used, consistently stated in two

¹ В порядке реализации права на ответ относительно статей Н. А. Власенко: Антиинновационные тенденции в современной науке // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 48—57; О качестве положений, выносимых на защиту, в кандидатских и докторских диссертациях // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 53—60.

© Дерхо Д. С., 2022

scientific publications. Based on the results of consideration of these comments, the author comes to the conclusion that a comprehensive scientific and practical study of the process of constitutional legal education, which includes the entire spectrum of public relations related to the formation of objective needs for constitutional and legal regulation of public relations and their satisfaction through the conscious and volitional activity of competent subjects (by adopting, revising the Constitution of the Russian Federation and constitutional amendments, interpretation and law-making activity of the Constitutional Court of the Russian Federation) is justified, has scientific novelty and can serve as a basis for further scientific research.

Keywords: novelty of scientific research; constitutional law education; constitutional law-making interpretation

For citation: Derkho D. S. Constitutional law education as an independent category of constitutional law: a discussion about novelty. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 83—91. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-83-91>.

Важнейший принцип этики научного сообщества призван ориентировать исследователя на новизну научного знания, поскольку наука развивается непрерывным приращением и обновлением знания [1, с. 144]. Этот принцип входит в единую систему с иными основополагающими началами, такими как самоценность истины, свобода научного творчества, открытость научных результатов и организованный скептицизм [2, с. 71].

Иными словами, долг ученого стремиться к получению нового знания, критично относиться к результатам собственных исследований [3, с. 6], внимательно и объективно оценивать достижения своих коллег [1, с. 146; 3 с. 75], отдавая приоритет поиску истины.

В свою очередь, объективная научная критика (в том числе критика результатов исследования, которые поданы автором как отвечающие критерию новизны) была и остается самым важным средством борьбы с недобросовестными научными исследованиями [3, с. 6], способствует формированию высокой требовательности к научным трудам, не оставляя места недобросовестным и легкомысленным работам [4, с. 20], которые, представляя собой имитацию научной деятельности и псевдонаучные манипуляции, не приносящие реальных результатов, фактически проповедуют «культ карго» [5, с. 99].

В силу сложившихся в истории и философии науки подходов принято считать, что новизна исследования может проявляться в разной степени: от внесения новых положений в науку до эффективного применения уже известных идей [6, с. 100]. В частности, в научной работе могут быть приведены такие элементы новизны, как новая сущность задачи; новая постановка известных проблем или задач; новый метод решения; новое применение известного

метода или решения; новые результаты и следствия [7, с. 34].

Таким образом, новизна научной работы может быть связана как с новыми идеями, выдвигаемыми лично исследователем, так и со старыми идеями, что выражается в их углублении, дополнительной аргументации, показе возможного использования в новых условиях, в других областях знания и на практике [8, с. 44]. При этом получение новых знаний всегда основывается на предыдущих результатах, более ранних разработках [4, с. 152], строится «на плечах предшественников» [6, с. 62], что не только не возбраняется в науке, но и является необходимым условием проведения полного и объективного научного исследования.

Определив такую методологическую основу, предлагаю рассмотреть с указанных выше позиций замечания, высказанные Н. А. Власенко [9, с. 48—57; 10, с. 53—60] к новизне результатов научного исследования и точности научной терминологии, отраженных в выполненной Д. С. Дерхо диссертации на соискание степени кандидата юридических наук на тему «Конституционное правообразование как категория конституционного права и нормативная модель».

В указанной диссертации автором предпринята попытка доктринального осмысления явной диспропорции, существующей между формально-юридическим смыслом действующего законодательства (сводящего правообразующие процессы в конституционной сфере исключительно к реализации механизма принятия поправок к Конституции Российской Федерации, ее пересмотра) и доминирующими [11, с. 25] в современной юриспруденции представлениями о том, что «преобразование» Основного закона, его нетекстуальное развитие в юрисдикционных актах органа конституционной юстиции являются объективной данностью не только для России,

но и для большинства развитых правовых порядков (США, Германии, Франции и др.) [12, с. 90—93; 13, с. 68—72; 14, с. 19; 15, с. 173—185].

Важным представлялось также включение в предмет исследования (для цели раскрытия, систематизации и интеграции в единую модель с рассматриваемой правовой категорией) максимально широкого комплекса правообразующих факторов, влияющих на появление Конституции и ее текстуальную и нетекстуальную динамику.

Результатом такого осмысления стал предложенный автором подход, в соответствии с которым весь набор элементов (процессов), которыми обусловлено появление и дальнейшее развитие норм Основного закона, обобщается единой категорией конституционного права («конституционное правообразование»), которая интегрирует в себе два взаимосвязанных, но самоценных элемента — «конституционное правотворчество» (текстуальная форма установления и развития Конституции) и «конституционно-правотворческая интерпретация» (нетекстуальная форма развития Конституции в результатах деятельности Конституционного суда), которые основаны на единых руководящих началах, могут быть представлены в виде разветвленной типологии, наделены весомой социальной значимостью и не входят в противоречие с реализованной в действующем законодательстве моделью правообразования в конституционной сфере.

По итогам исследования автором, в частности, констатировано, что двусоставная природа конституционного правообразования, обусловленная правотворческой и интерпретационно-правотворческой активностью, позволяет усмотреть в исследуемой правовой категории признаки синергетической системы, которая обеспечивает комплексное влияние норм Основного закона и правовых позиций Конституционного Суда на общественные отношения (необозримое множество социальных связей, меняющихся с течением времени и трансформацией условий социальной среды), обеспечивая при этом качественное усиление регулятивного потенциала Конституции. Изложенное позволило автору указать на фактическое слияние Конституции и нормативно-доктринальных позиций органа конституционной юстиции в единый регулятивный механизм как особый источник конституционного права, который одновременно устанавливает конституционные смыслы (в тексте Основного закона) и позволяет более тонко (предметно, адресно, динамично) оказывать конституционно-правовое воздействие на

систему общественных отношений в конкретно-исторических условиях (правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации).

Основные замечания Н. А. Власенко к новизне указанного исследования, изложенные в указанных выше статьях, можно свести к следующим блокам: 1) проблема правообразования достаточно разработана и исследуется в юридической науке; 2) если следовать идее автора, то можно выделить десятки отраслевых видов правообразовательного процесса (возможно, в каких-то отраслях найдутся особенности, но в данной работе их нет); 3) исследователь «множит» категории, засоряя научный лексикон, а именно — необоснованно выделяет конституционное правообразование как самостоятельную правовую категорию и идет дальше, безосновательно вводя в научный оборот понятия «конституционно-правотворческой интерпретации», «конституционно-правотворческой синергии», «каузативной и селективной детерминации конституционного правообразования», тогда как по факту здесь все достаточно просто и давно известно, поэтому состоятельность нововведений автора сомнительна.

Выражая благодарность за внимание, проявленное Н. А. Власенко к диссертационному исследованию, полагаем, что развернутый публичный ответ на сформулированные выше замечания может способствовать определенному развитию представлений о конституционном правообразовании как самостоятельной категории конституционного права.

Относительно первого замечания.

Безусловно, термин «правообразование» как, не тождественный понятию «правотворчество» (более широкий, охватывающий социальные процессы, предшествующие творческой деятельности законодателя), достаточно полно разработан общей теорией права.

Указывая на отсутствие научной новизны в данной части, Н. А. Власенко в своих статьях ссылается именно на учебную и научную литературу по теории права, авторы которой действительно обращаются к вопросам правообразования достаточно часто и основательно.

Однако служит ли данное обстоятельство заведомым препятствием к рассмотрению процессов образования права (включая конституционно-правовые установления) с позиций других отраслей научного познания? Едва ли.

Как известно, теория права — это наука об общетеоретических знаниях о праве. Она является исходной теоретической основой

для существования и развития других юридических наук и выполняет по отношению к ним определенную методологическую роль [16, с. 16]. Фактически теория права, будучи наукой обобщающей по отношению к отраслевым наукам, вырабатывает основные, профилирующие понятия, свойственные всему праву в целом (юридическая норма, источник права, правоотношение, коллизия закона, система права, его отрасль и юридический институт, правонарушение, вина и ее формы и др.), активно используемые отраслевыми науками применительно к своему предмету, без которых невозможно исследование проблем таких наук [17, с. 15].

Очевидно, что насколько бы полно теория права ни исследовала конкретную правовую категорию, как бы ни детализировала основные и факультативные признаки того или иного понятия, если такое понятие является профилирующим, базовым, комплексным, выходит за рамки сугубо теоретического интереса и претендует на практическую значимость в конкретной сфере, оно подлежит дополнительному научному рассмотрению и разработке с использованием инструментария конкретных отраслевых дисциплин.

В отдельных случаях такое отраслевое развитие приводит к появлению самостоятельных правовых категорий, придавая им качества, существенно отличные от начальных общетеоретических значений. Например, глубоко исследованное теорией права понятие «правонарушение», будучи воспринятым уголовным правом, нашло свое оформление в виде уголовно-правовых категорий «преступление» и «уголовный проступок». В административном праве таким стало «административное правонарушение», а в гражданском праве — «деликт».

Иными словами, само по себе обращение теории права к исследованию той или иной правовой категории не исчерпывает научного интереса к этой проблематике, не лишает актуальности и новизны рассмотрение такого вопроса пусть и «на плечах» теоретиков права, но с использованием иного, специального методологического подхода, поэтому не исключает возможности выявления и раскрытия новых правовых категорий отраслевого значения, в том числе категории «конституционное правообразование».

Таким образом мы переходим ко второму замечанию Н. А. Власенко о неуместности выделения отраслевых видов правообразования, включая конституционное, и отсутствию в

диссертации Д. С. Дерхо анализа особенностей такого явления, отличающих его от родовой категории, выработанной теорией права.

Трудно не согласиться с тем, что отраслевые особенности правообразующего процесса далеко не в каждом случае столь существенны, чтобы задумываться об их осмыслении в рамках самостоятельной правовой категории.

Однако, когда речь идет о такой отрасли права, как конституционное право, подобные особенности многочисленны и порой очевидны.

Самым значимым обстоятельством в этом контексте представляется предмет конституционного права. Им выступают общественные отношения, которые можно назвать базовыми, основополагающими в каждой из областей жизни. Это отношения, систематизирующие, оформляющие целостность общества, его единство как организованной и функционирующей структуры, основанной на общих началах политического, экономического и социального устройства [18, с. 14]. Именно поэтому конституционное право принято считать ведущей, центральной отраслью национального права [19, с. 25].

Изложенное, с одной стороны, предполагает особое внимание к качеству и структуре формирующего указанную отрасль правообразующего механизма, повышенные требования к его адекватности и эффективности (учитывая способность оказывать структурирующее воздействие на всю систему права и политическую систему общества) и, с другой стороны, предопределяет существенные отличия от ординарного законодательного порядка на каждом из этапов правообразовательного процесса, начиная от возникновения потребности в конституционно-правовой регламентации общественных отношений и заканчивая принятием, изменением, отменой, интерпретацией правила поведения конституционного уровня.

Так, учитывая существенный уровень обобщенности Основного закона, включение в него норм, регламентирующих предельно широкий круг социальных связей, на Конституцию, ее текстуальное и содержательное наполнение воздействует существенно большее число факторов, чем на какой-либо иной источник права. При этом, помимо разнонаправленного влияния общих факторов (политико-правовых, экономических, социальных, национальных, религиозных и прочих), имеет место и система специфических факторов конституционного правообразования, которыми предопределено: 1) появление самой Конституции (в частности, естественная фрагментарность

законодательного регулирования; требование авторитетной фиксации основ общественного договора, а также внутривластного и внешнеполитического позиционирования государства и общества); 2) текстуальное изменение конституционных положений (например, объективный динамизм общественных отношений, несовершенство положений Основного закона и пр.); 3) нетекстуальное развитие конституционных положений (например, универсальность, мультисмысловый характер норм Конституции).

Особенности осуществления конституционно-правотворческих процедур также весьма специфичны, учитывая наличие: специального правового регулирования (нормы главы 9 Конституции Российской Федерации, Федеральный закон от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» и пр.); особой (усложненной) процедуры принятия поправок к Конституции Российской Федерации и ее пересмотра; особого состава субъектов правотворческого процесса, включающего в себя, в частности уникальный орган с экстраординарными учредительными полномочиями (Конституционное Собрание), а также законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации и многонациональный народ Российской Федерации.

Еще большую специфику в процесс конституционного правообразования привносит деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как органа, фактически осуществляющего аутентичное, «преобразующее» толкование Основного закона. Конституция Российской Федерации, являясь законом прямого действия, порой слишком универсальна для непосредственного применения при регулировании всего спектра возникающих в обществе социальных связей. Потенциально она содержит в себе базовые (геномные) элементы гипотезы, диспозиции и санкции для любой нормы права независимо от отрасли, а роль Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, чтобы «считать» этот «геном» и «синтезировать» недостающие (но заранее заданные) элементы правовой нормы, «достроить» ее в качестве полноценного правила поведения, выполнить функцию наполнения конституционного текста (*verfassungstextlückenfüllenden Funktion* [20, с. 18]).

Вся совокупность приведенных выше обстоятельств наряду с иными значимыми аспектами требует предметного изучения и включения в единую систему координат. Представляется,

что сформированная без их учета модель правообразования не может быть признана целостной, завершенной и не является адекватным отражением реально развивающихся на высшем законодательном уровне правообразовательных процессов, поэтому выделение конституционного правообразования в качестве самостоятельной категории конституционного права и предмета научного познания видится оправданным.

Итоговая оценка степени обоснованности таких суждений находится за пределами компетенции автора и вполне может быть подвергнута критике.

Между тем следует учесть, что так или иначе термин «конституционное правообразование» постепенно входит в научный оборот, используется, например, в работах В. В. Киреева [21, с. 136] и Т. Я. Хабриевой [22, с. 12; 23, с. 15; 24]. Более того, сам Н. А. Власенко на Всероссийском форуме с международным участием «Реализация новел Конституции России: вызовы и образ будущего», прошедшем 24—25 сентября 2020 года на базе МГЮА имени О. Е. Кутафина, выступил с докладом «Конституционное правообразование в России: сложности и перспективы» (URL: https://msal.ru/upload/struktura/otdely%20i%20clujby/PR/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%A4%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B0_5_WEB_removed.pdf). Интернет-ресурс (дата обращения: 17.10.2021), видимо, все же признавая, что, несмотря на сложности становления, данная правовая категория достойна того, чтобы служить как минимум предметом обсуждения с точки зрения перспектив ее развития.

Соответственно, несмотря на очевидные сложности становления, данная правовая категория достойна того, чтобы служить как минимум предметом обсуждения, в том числе с точки зрения перспектив ее развития.

Относительно третьего блока замечаний, касающихся засорения научного лексикона новыми терминами, необходимо привести следующие соображения.

Действительно, любая наука, нормы поведения, практическая деятельность людей требуют правильного использования слов и словосочетаний, точной терминологии [25, с. 13]. При этом терминологические споры отнюдь не всегда схоластические [26, с. 123].

В логике и философии науки под термином «понятие» обычно подразумевают логическую форму, отражающую общие закономерные

связи, существенные стороны, признаки явлений, которые закрепляются в их определениях (дефинициях) [27, с. 78]. При этом всякое понятие отражает сущность предмета [27, с. 79], а предельно простые понятия, с помощью которых задается содержание других понятий и фиксируются предельно широкие классы объектов, именуются категориями [28, с. 385—386].

Прежде всего следует отметить, что любая попытка доктринального рассмотрения новой или развивающейся правовой категории предполагает разработку применимой терминологии, описание и систематизацию понятий для цели выхода на необходимый уровень обобщения, без которого невозможно создание каких-либо универсальных моделей.

Для успешного решения такой задачи научный работник должен освоить научную терминологию и строго выстроить свой понятийный аппарат [6, с. 62]. Первым шагом здесь является целевое изучение терминов, составляющих тематическую группу, интересующую исследователя [29, с. 35], что в большинстве случаев предполагает необходимость обращения к специальной литературе, в том числе к различного рода словарям, но не исключает обращение к иной общедоступной информации.

Далее следует выполнить этимологический анализ выбранных терминов, то есть анализ их происхождения для установления области применения, после чего производится изучение процесса формирования термина внутри науки, что дает возможность рассмотреть различные точки зрения на значение того или иного термина и обеспечивает единообразие их употребления внутри одной науки для обеспечения взаимопонимания членов научного сообщества [29, с. 35].

Но вот создание собственных терминов — уже очень деликатный процесс, допустимый только в крайних случаях, когда ни один из имеющихся терминов не может описать соответствующее явление [29, с. 35].

Приняв такие рекомендации за основу, необходимо отметить, что использование термина «конституционное правообразование» для обозначения развивающейся категории конституционного права видится вполне корректным, поскольку основывается на общепринятом в юридической науке термине «правообразование» с вложением в него ординарного смысла и предметным уточнением в виде указания на отрасль права (конституционного), привнесшего в этот процесс свою качественно новую специфику.

Следующий (подчиненный) уровень понятий составляют термины «конституционное

правотворчество» и «конституционно-правотворческая интерпретация» как составные элементы более общего по объему понятия — категории «конституционное правообразование».

Термин «конституционное правотворчество» является общеупотребимым, широко вошел в научный лексикон, и его выбор для обозначения соответствующего явления не представлял сложности. Что касается второго элемента предложенной автором модели «конституционного правообразования», который заключается в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по нетекстуальному развитию Конституции Российской Федерации, то общеупотребимый термин здесь отсутствует, поэтому перед автором стояла задача выбрать наиболее этимологически близкий и интуитивно понятный, каким и стало понятие «конституционно-правотворческая интерпретация», в том числе потому, что, как указал сам Н. А. Влащенко, общей теории права известно явление интерпретационного права [30, с. 319—320]. Следовательно, новелла здесь состоит лишь в дополнении этого феномена конституционно-правовой спецификой и включении в единую парадигму с механизмом текстуальной правки Основного закона.

Похожими причинами (отсутствием сложившихся общеупотребимых вариантов и необходимостью терминологического описания составляющих элементов предлагаемой категории конституционного права) обусловлен и выбор терминов для систематизации детерминирующих конституционное правообразование явлений. Учитывая, что первый блок детерминант обоснован в работе как процесс объективного накопления совокупности правообразующих факторов, он обозначен автором в качестве каузативной детерминации (от лат. «*causa*» — причина, повод, основание, побудительное начало). В качестве второго блока детерминант автором рассмотрены обстоятельства, влияющие на выбор (по возможности оптимальный, но всегда субъективный, интеллектуально-волевой) между несколькими доступными для практической реализации формами (нетекстуальной и текстуальными) конституционно-правотворческой активности. Этим обусловлено введение термина «селективная детерминация» (от англ. «*selection*» — выбор).

Выделение автором понятия конституционно-правотворческой синергии явилось следствием рассмотрения исследуемой проблематики с помощью инструментария системного анализа, где механизм конституционного

правообразования предстал в качестве сложной, открытой, неравновесной, самоорганизующейся системы.

Как известно, синергия проявляется в согласованном, взаимно усиливающемся действии двух или нескольких элементов, которое увеличивает упорядоченность (уменьшая при этом энтропию как меру необратимого рассеивания энергии) системы в целом, в результате чего единая система производит больший эффект, чем ее отдельные составляющие [31, с. 426]. Применительно к правообразованию в конституционной сфере обозначенный маркер синергетической системы прослеживается со всей очевидностью, учитывая, что «текстуальная» и «нетекстуальная» деятельно-волевые формы конституционного правообразования имеют собственный, нетождественный инструментальный влияния на общество и государство, и лишь при условии их сложения в единый, общий регулятивный механизм обеспечивают достижение необходимого эффекта, позволяют урегулировать весь объем нуждающихся в упорядочении социальных связей. Иначе, оставаясь в одиночестве, писаная Конституция становится неадекватной, а неписаная — нелегитимной [32, с. 7].

Таким образом, как бы ни представлялись простыми и давно известными некоторые из приведенных в диссертации положений, одной из основных целей работы являлось устранение существующего теоретико-доктринального пробела, состоящего в отсутствии доктринальных работ, направленных на исследование максимально полного состава процессов, обеспечивающих и сопровождающих появление и динамику Конституции как особого правового явления в виде самодостаточной правовой категории. При этом итогом исследования стало обоснование нового взгляда на парадигму конституционного правообразования, объединяющую в одной правовой категории текстуальные и нетекстуальные способы развития Основного закона, представляющую взаимодействие правотворческого и интерпретационно-правотворческого элементов в качестве взаимосвязанных частей одной системы, проявившую синергетический эффект от объединения регулятивного воздействия норм Основного закона и правовых позиций Конституционного Суда.

При этом предложенные автором подходы, безусловно, являются дискуссионными, возможно, требуют дальнейшего развития и во многом представляют собой лишь постановку вопроса о необходимости преодоления разрыва между формально-юридическим подходом к пониманию

механизма конституционного правообразования и его реальным современным состоянием.

Список источников

1. Богатов В. В. Этика в научной деятельности // Вестник ДВО РАН. 2008. № 1. С. 144—157.
2. Огурцов А. Н. Основы научных исследований: учебно-методическое пособие. Харьков: НТУ «ХПИ». 2008. 178 с.
3. Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Проблема добросовестности в научных исследованиях // Журнал имени академика Б. В. Петровского. 2013. № 1. С. 5—12.
4. Трошин В. Д. К этике научных публикаций // Медицинский альманах. 2008. № 2. С. 19—23.
5. Леонтович О. А. Этика научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8. С. 99—102.
6. Новиков Д. А. Методология научного исследования. М.: Либроком, 2010. 280 с.
7. Крампит А. Г., Крампит Н. Ю. Методология научных исследований. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2008. 186 с.
8. Пономарев А. Б., Пикулева Э. А. Методология научных исследований: учебное пособие. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 186 с.
9. Власенко Н. А. Антиинновационные тенденции в современной науке // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 48—57.
10. Власенко Н. А. О качестве положений, выносимых на защиту, в кандидатских и докторских диссертациях // Юридическое образование и наука. 2021. № 8. С. 53—60.
11. Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции — без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 22—34.
12. Лузин В. В. Методы толкования Конституции в деятельности Верховного Суда США // Государство и право. 1997. № 10. С. 90—93.
13. Ярославцева Д. К. Метод свободного толкования Конституции в деятельности Верховного Суда США // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 68—72.
14. Свистунова М. А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: Конституционно-правовой статус Федерального Конституционного суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
15. Иванова О. М. Институт толкования Конституции в России и Франции // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 4. С. 173—185.
16. Абдулаев М. И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. М.: Магистр-Пресс, 2004. 410 с.
17. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов,

А. В. Мицкевич и др.; под ред. А. С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

18. Безруков А. В. Конституционное право России: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2015. 267 с.

19. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М.: Проспект, 2015. 565 с.

20. Backer C. *Gerechtigkeit im Rechtsstaat*. Tuebingen, 2015. 344 p.

21. Киреев В. В. Конституционная реформа в Российской Федерации. М.: Изд-во МГУ, 2006. 268 с.

22. Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации в фокусе современной конституционно-правовой доктрины // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 10—17.

23. Хабриева Т. Я. Конституционное развитие: статика и динамика // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5—17.

24. Хабриева Т. Я. Мониторинг Конституции: доктрина, инструментальная ценность и перспективы институализации. URL: <https://rs.gov.ru/%20%20/news/39598> (дата обращения: 17.10.2021).

25. Чиркин В. Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 13—19.

26. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 520 с.

27. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов / отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 537 с.

28. Введение в логику: университетский курс: учебник для вузов / В. А. Бочаров, В. И. Маркин. 2-е изд., доп. и испр. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2011. 559 с.

29. Этика научного исследования (лингвистический, лингвокультурологический и коммуникативный аспекты): учебник для аспирантов / авт.-сост. А. В. Григоровская. Тюмень: ГАУ СЗ, 2015. 161 с.

30. Оксамытный В. В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 512 с.

31. История и методология юридической науки: учебное пособие / Е. Н. Яркова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. 463 с.

32. Amar A. R. *America's Unwritten Constitution: The Precedents and Principles We Live By*. New York: Basic Books Publ., 2012. 640 p.

References

1. Bogatov V. V. Ethics in scientific activity. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2008, no. 1, pp. 144—157. (In Russ.)

2. Ogurtsov A. N. *Fundamentals of scientific research: an educational and methodological manual*. Kharkiv: NTU "KhPI" Publ., 2008. 178 p. (In Russ.)

3. Tishchenko P. D., Yudin B. G. The problem of conscientiousness in scientific research. *Journal named after Academician B. V. Petrovsky*, 2013, no. 1, pp. 5—12. (In Russ.)

4. Troshin V. D. To the ethics of scientific publications. *Medical Almanac*, 2008, no. 2, pp. 19—23. (In Russ.)

5. Leontovich O. A. Ethics of scientific research. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 8, pp. 99—102. (In Russ.)

6. Novikov D. A. *Methodology of scientific research*. Moscow: Librocom Publ., 2010. 280 p. (In Russ.)

7. Krampit A. G., Krampit N. Yu. *Methodology of scientific research*. Tomsk: Publishing House of Tom. Polytechnic. un-ta, 2008. 186 p. (In Russ.)

8. Ponomarev A. B., Pikuleva E. A. *Methodology of scientific research: studies. manual*. Perm: Publishing house of Perm. nats. research. polytech. un-ta, 2014. 186. (In Russ.)

9. Vlasenko N. A. Anti-innovation trends in modern science. *Legal technique*, 2021, no. 15, pp. 48—57. (In Russ.)

10. Vlasenko N. A. On the quality of the provisions submitted for defense in candidate and doctoral dissertations. *Legal education and Science*, 2021, no. 8, pp. 53—60. (In Russ.)

11. Bondar N. S. Socio-historical dynamism of the Constitution — without rewriting the constitutional text. *Journal of Constitutional Justice*, 2014, no. 2, pp. 22—34. (In Russ.)

12. Luzin V. V. Methods of interpretation of the Constitution in the activity of the Supreme Court of the USA. *State and Law*, 1997, no. 10, pp. 90—93. (In Russ.)

13. Yaroslavtseva D. K. Method of free interpretation of the Constitution in the activity of the Supreme Court of the USA. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*, 2014, no. 3, pp. 68—72. (In Russ.)

14. Svistunova M. A. *Judicial constitutional control in the Federal Republic of Germany: Constitutional and legal status of the Federal Constitutional Court. Author's abstract... candidate of legal sciences*. Moscow, 2007. (In Russ.)

15. Ivanova O. M. *Institute of Interpretation of the Constitution in Russia and France*. *Leningrad Law Journal*, 2009, no. 4, pp. 173—185. (In Russ.)

16. Abdulaev M. I. *Theory of state and law: Textbook for higher educational institutions*. Moscow: Magister-Press Publ., 2004. 410 p. (In Russ.)

17. *Theory of state and law: textbook for law schools / A. I. Abramova, S. A. Bogolyubov, A. V. Mitskevich, etc.; ed. by A. S. Pigolkin*. Moscow: Gorodets Publ., 2003. 544 p. (In Russ.)

18. Bezrukov A. V. *Constitutional law of Russia: textbook*. Moscow: Justicinform Publ., 2015. 267 p. (In Russ.)

19. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Constitutional law of Russia*. Moscow: Prospect Publ., 2015. 565 p. (In Russ.)

20. Backer C. *Gerechtigkeit im Rechtsstaat*. Tuebingen, 2015. 344 p.
21. Kireev V. V. *Constitutional reform in the Russian Federation*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2006. 268 p. (In Russ.)
22. Khabrieva T. Ya. The Constitution of the Russian Federation in the focus of modern constitutional and legal doctrine. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 12, pp. 10—17. (In Russ.)
23. Khabrieva T. Ya. Constitutional development: statics and dynamics. *Constitutional and municipal law*, 2018, no. 12, pp. 5—17. (In Russ.)
24. Khabrieva T. Ya. Monitoring of the Constitution: doctrine, instrumental value and prospects of institutionalization. URL: <https://rs.gov.ru/%20%20/news/39598> (accessed 17.10.2021). (In Russ.)
25. Chirkin V. E. The word about constitutional terminology. *Journal of Russian Law*, 2013, no. 12, pp. 13—19. (In Russ.)
26. *General theory of law and the State: Textbook* / ed. by V. V. Lazarev. 3rd ed., reprint. and additional. Moscow: Jurist Publ., 2001. 520 p. (In Russ.)
27. *Fundamentals of philosophy of science: a textbook for graduate students* / ed. by V. P. Kohanovsky. Rostov n/A: Phoenix Publ., 2005. 537 p. (In Russ.)
28. *Introduction to logic: university course: textbook for universities* / V. A. Bocharov, V. I. Markin. 2nd ed., add. and ispr. Moscow: FORUM: INFRA-M Publ., 2011. 559 p. (In Russ.)
29. *Ethics of scientific research (linguistic, linguistic, cultural and communicative aspects): textbook for graduate students* / author-comp. A. V. Grigorovskaya. Tyumen: GAU SZ Publ., 2015. 161 p. (In Russ.)
30. Oxamytny V. V. *General theory of state and law: textbook for university students studying in the direction of "Jurisprudence"*. Moscow: UNITY-DANA Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)
31. *History and methodology of legal science: textbook* / E. N. Yarkova. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2012. 463 p. (In Russ.)
32. Amar A. R. *America's Unwritten Constitution: The Precedents and Principles We Live By*. New York: Basic Books Publ., 2012. 640 p.

Информация об авторе

Д. С. Дерхо — кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. S. Derkho — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 09.06.2022.